

Ревазу Габриадзе некогда, он спешит. Спешит с утра на репетицию в театр марионеток, художественным руководителем которого он являлся со дня основания. Спешит потом на стройку нового здания этого театра, давней мечты его самого и всех его соратников. Потом спешит домой, дописывать пьесу для театра, сценарий, давно обещанный другу-режиссеру, или новый рассказ, он не говорит. И, конечно же, спешит вечером в театр — ежевечерне два спектакля, которые требуют его присутствия и участия. Есть еще между этими основными делами, разумеется, и множество других.

Но... Не было бы счастья — несчастье помогло. Резо загрипповал. Как ни рвался из дому, врачи предписали постельный режим, появилось долгожданное «окно» в расписании. И Резо размышляет вслух...

— Прежде всего о том, какую профессию я считаю своей основной. То ли я писатель, то ли художник, то ли работаю в кинематографе, то ли переметнулся в кукольный театр. Путаница какая-то... Хорошо, уже мало кто помнит, что мне приходилось и журналистикой заниматься, и еще десятком других дел... А я ведь и сам больше всего не люблю дилетантов.

Наверное, все же для меня главное — литература. Это моя «маленькая родина», к которой постоянно возвращаешься после всех странствий и отлучек. Или же старый добрый друг (я их называю «портновыми друзьями»), о котором вспоминаешь нечасто, но в глубине души знаешь: когда бы ты ни пришел, он всегда на месте, всегда встретит с прежней лаской, не тая обид.

Итак, литература. Писать я начал рано и писал очень много. Из-под пера у меня рождались трилогии и эпопеи, повести и рассказы... Но в один прекрасный день я купил два мешка из-под цемента, записал в них все свои рукописи, на такси подъехал к мосту имени Челюскина и... под ослабевшими и недоуменными взглядами испуганного таксиста и прохожих бросил в Куру. Один мешок доплыл до излучины и исчез за поворотом, другой сразу же пошел ко дну, — наверное, в нем были произведения крупной формы!

Мне было тогда 28 лет.

Слишком рано, чтобы навсегда расстаться с мечтами о творчестве, не так ли? Но зато немислимо поздно для нового дебюта!

И я вернулся к литературе, как возвращаются к первой любви. Хотя вначале мечтал стать вовсе не писателем, а скульптором. И даже брал уроки у такого замечательного педагога и человека, каким был Валико Мизандари. Впрочем, о нем надо рассказывать отдельно...

Помните, читатель, летчика — героя знаменитого фильма «Мимино»? Да, его имя и фамилия были Валико Мизандари. — Реваз Габриадзе относится к числу «чужаков», которые всегда отдадут долги.

— Кутаиси, город моего детства, заменит затяжными дождями. Лучшее занятие в такую погоду — валяние (так, во всяком случае, — казалось мне в десять лет). И вот я в мастерской Валико впервые в жизни

слышу такие слова: Пракситель, Фидий, паросский мрамор! Добавьте к этому древние развалины, которых так много в этом чудесном городе, добавьте белые кремневые валуны, на которых мы восседаем, беседуя о вечном искусстве, и поймете: Валико выступал перед нами как полномочный посол античного искусства во всех веках и государствах!

Скульптора из меня не вышло, но уроки тех дней не прошли даром. Главный из них — сам облик учителя, его требовательность и увлеченность, его бескомпромиссность в вопросах профессии.

но, что я, пожалуй, уже и не имею права говорить «от его имени».

Помните, читатель, фильмы, в которых Р. Габриадзе выступал автором сценария или даже режиссером: «Необыкновенная выставка», «Не горюй!», «Чудани», «Мимино», «Дюма на Кавказе», «Нувшин» и «Серенада» сериал «Дорожные рабочие» и другие? Имеет право их автор высказать свои взгляды на кино?

В Кутаиси жил один дамский закройщик, человек, по нашим тогдашним понятиям, всего достигший и все постигший в жизни. Так вот, пока в кино шел «Тарзан», он не пропустил ни одного сеанса. У него было свое постоянное

Шенгелая, Э. Шенгелая... Вместе с мастерами старших поколений они создавали кинокартины, которые сейчас именуют феноменом грузинского кино. Разумеется, это условный термин, но если у нашего кино есть признанные достижения, то исток их лично я связываю с именем Коте Марджанишвили. Дело даже не столько в его собственных фильмах, созданных на заре мирового кино, а в культурной традиции, которую он принес с собой. Его заслуги общепризнаны, хотя, на мой взгляд, еще не осмыслены полностью. Хорошо бы написать его биографию из одних только фак-

Мирзашвили. Из-за них, собственно, я и потерял покой.

К тому же я издавна увлекался «домашним» кукольным театром — сам писал пьесы, сам мастерил кукол и декорации, сам разыгрывал спектакли в перегородженной комнате... Старый реквизит с тех времен до сих пор сложен у нас в кладовке.

Театр марионеток синтезирует литературу и живопись, режиссуру и мастерство актера. Без такого синтеза в театре кукол делать нечего. И Уолт Дисней, и Сергей Образцов, помимо всего, еще и отличные художники.

...Однажды я и известный ре-

но, на пути от классической оперы к тбилисскому театру марионеток «Дама с камелиями» претерпела немалые трансформации. Но для меня обращение к классическому образцу — всегда акт уважения, преклонения, вера в то, что классика в силах противостоять напору антикультуры, которая в наши дни вооружена могучим арсеналом всевозможных средств. Моя же цель — облегчить путь современному зрителю, читателю к классике.

Как ни удивительно, куклы оказались прекрасной лакумой для бумажной для распознания и оценки человека. Чем добрее, благороднее, талантливей человек тем легче и органичней вступает он в контакт с куклами. Зрительный зал нашего старенького театра с трудом вмещает полсотни зрителей. Много это или мало? Конечно, мало, тем более что, как я вычислил для самого себя, есть некоторая «критическая масса» зала — одинокий зритель реагирует совсем иначе, чем он же в окружении 30—40 человек, но если их число хоть на единицу превышает 50, то все как бы переходит в совершенно иное измерение. И в то же время, если в наш театр каждый вечер, а то и по два раза приходят пятьдесят умных, хороших, талантливых людей — это много! И театр сам вырос и воспитал своих единомышленников, пусть это не зачтется нам за нескромность или бахвальство.

Вообще, каждый зал — театра, кино, эстрады — сам создает свой масштаб восприятия. Трудно представить, как любопытно наблюдать со сцены за залом: вот человек в первые минуты представления еще ощущает себя Гулливером, только что шагнувшим с «большой земли» в наш мир. Но проходит минута, другая... Как-то был у нас один зарубежный гость, острый театрал, повидавший чуть не все сцены мира. Посмотрели бы вы на этого театрального «льва», когда кончился спектакль: он в полный голос кричал «браво!», приложив рупором ладони ко рту и позабыв, что от него до сцены нет и двух метров.

Помните, читатель, как трудно было Резо Габриадзе найти время для того, чтобы записать этот монолог? Одним из главных его дел тогда было строительство нового здания для театра. Теперь театр построен, зал там вмещает зрителей в два раза больше, чем старый. Но по-прежнему нет грани между зрителями и этими чудесными артистами на веревочках, которые находятся по ту сторону рамп.

— Что же касается того испытания, которое марионетки устроили всем нам, их «повелителям», то прямо скажу, это нелегкий экзамен, не всем удалось выдержать его. Когда наш театр еще только создавался и многое делалось на чистом энтузиазме и бескорыстной поддержке многочисленных болельщиков и единомышленников, то у меня была тогда одна-единственная форма выразить свою благодарность и признательность: я дарил всем им свои рисунки и делал на них соответствующие надписи — «Основположнику», «Защителю», «Вдохновителю»... В итоге зачинателей и вдохновителей оказалось намного больше, чем штатных работников! Конечно, время и будни отсеяли многих, но наш коллектив — коллектив единомышленников, это без всякого преувеличения. И мы вместе идем дальше. Хотя с нами идут еще Альфред и Виолетта, князь Фантиев и кумушар Ханума.

Разговор записал
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ
Рисунки Р. ГАБРИАДЗЕ

Реваз ГАБРИАДЗЕ

О людях и

Что же это такое — профессионализм в искусстве? Сегодня я думаю так: это точное знание того, что ты делаешь и ради чего. И еще профессионализм — умение из сделанного выбрасывать самые «выигрышные» места. Больше всего в современном искусстве меня озадачивают находки! Сейчас в театре, кино, литературе все наловчились сочинять один трюк заковыристой друг друга, нанизывать одну находку на другую, составлять из них гирлянды и цепочки.

Не остается времени дух перевести, задуматься над сутью. Место искусства занимает рукоделие.

Избежать этого соблазна даже опытным мастерам не всегда оказывается под силу. И ты видишь, как носится такой «мастер» со своей находкой, словно собачка, которой бросили пестрый лоскут.

Можно ли представить себе, скажем, Моцарта, увлекшегося находками и трюками в музыке? Мысль и чувство — без этого нет искусства, все, что мешало их выражению, отвлекает от сути, должно быть отсечено.

Умение наилучшим образом выразить главное — удел профессионалов, которым талант и опыт позволяют достичь необходимой соразмерности, гармонии всех частей целого.

Не могу похвалиться, что постиг закон соразмерности, но догадываюсь, что он един для всех видов искусства, различны лишь формы его проявления. Может быть, здесь скажется мой скромный опыт работы в разных видах творчества, таких, как литература и кино. «живой» театр и театр марионеток...

Правда, мое активное, сотрудничество с кинематографом прервалось настолько дав-

место, и мы все не отрываясь следили за ним, так как знали: в определенный момент он, увлекшись действием и забыв обо всем на свете, громко закричит: «Не верь Тарзану, Джейн, он обрежет веревку!»

Что ни говорите, а это сила искусства.

Мог ли я мечтать тогда, что мне доведется приобщиться к этому чудесному и таинственному миру!

Честно говоря, я считаю неправомерными раздающиеся ныне порой сетования на то, что кинематограф «теснит» или «щемит» литературу, что его коллективный характер мешает самовыражению художника, и т. п. Я целиком и полностью разделяю мысль, высказанную как-то Андреем Битовым, что кино, наоборот, освободило литературу от повторно-развлекательных функций, от обязательного хитросплетения сюжета и прочих несвойственных словесному искусству обязанностей. Впрочем, точно так же кино освободило изобразительное искусство от описательности и т. д. Каждый получил то, что принадлежит ему по праву, что соответствует его сути и назначению.

Правда, я могу говорить о своем личном опыте работы в кинематографе, не покушаясь на обобщения.

Твердо убежден, что литература потеряла великолепно писателя в лице Георгия Данелия. Его талант «рисовать словом» равен умению «рассказывать изображением». Только благодаря его настойчивости я после стольких лет решил вернуться в кино — сейчас у нас в работе новый сценарий.

Могу ли я не быть благодарным судьбе за то, что в кино «играл в одной команде» с Г. Данелия, О. Иоселиани, Г.

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

О куклах

тов и дат, чтобы ясно стало, как фантастически много сделано им за годы жизни.

Что же касается упомянутого «феномена», то я против того, чтобы подсчитывать призы и награды, завоеванные той или иной картиной. Скажем, «Кето и Котэ» не имел ни одного приза, но он завоевал любовь народа.

Что же до моей работы в кино, то я стал замечать, что все чаще пишу какие-то сцены, образы, ситуации, которые на экране ни поставить, ни сыграть невозможно. Создалось ощущение какой-то исчерпанности, последовало несколько неудач, хотя эти работы все еще нравились многим. Так наши милые, изящные и весьма популярные короткометражки из серии о дорожных рабочих вызвали у меня ощущение внутреннего кризиса, а сценарием «Дюма на Кавказе» я, считаю, просто подвел хорошего режиссера.

Помните, читатель, трех «дорожных рыцарей» из «Бабочки» и других картин этого цикла? Помните похождения знаменитого француза и его благородных друзей в горах Кавказа? Но у художника — свой спрос, свой счет.

Размышляя, в чем тут дело, я пришел к выводу, что в них возможности образа пришли в противоречие с возможностями актеров, что они могли существовать лишь в литературной форме или ... в виде кукол, марионеток. Так по цепочке «образ — маска — кукла» я пришел к театру марионеток.

Это, так сказать, теория. А на практике все выглядело так. Я написал пьесу и предложил ее одному нашему театру. Постановка почему-то не состоялась, но сохранились эскизы к будущему спектаклю, сделанные художником Тенгизом

жиссер-мультипликатор Ю. Норштейн сидели в скверике, ожидая кого-то. Случайно у меня в авоське оказалась кукла, и, увлекшись разговором, я незаметно для себя пустил ее в ход. Третий наш «собеседник» так понравился моему другу, что он стал горячо уговаривать меня всерьез взяться за это дело.

Пришлось все начинать с азов. Технику вождения кукол я осваивал у ленинградцев и до сих пор считаю себя их учеником. Однако каждая новая кукла — как новый корабль: обращению с ними всякий раз надо учиться заново.

В «живом театре» режиссер объясняет артисту: стань так, выходи отсюда, иди туда. В кукольном театре все это ты должен сделать сам, только предварительно «сотворив» своего актера... Потому и обретаешь ту свободу, которая позволяет осуществлять все, что задумал: и «тбилисский парафраз» трагической истории Альфреда и Виолетты, и фантастические приключения грузин в Париже, и оперу, и комедию, и драму, и пародию! Потому в наших ближайших планах «Похищение из серая» Моцарта соседствует с поэмой известного современного итальянского писателя Тонино Гуэрры «Мед», комическая опера «Чудак» — с провинциальной историей «Птичка шарманки», навеянной годами моей молодости в Кутаиси... Мы мечтаем и о тургеневских «Вешних водах», и о «Человек ли он?» по Илье Чавчавадзе — никаких технических ограничений!

Здесь неизбежно встает вопрос о классике и о сценическом ее освоении, вопрос, который так живо дебатировался на страницах «ЛГ». Естественно-